

Томъ XXII (годъ 11-й). 50 номеровъ въ годъ. № 28. Выходитъ по четвергамъ. 13го июля 1868 г.

Годовая цѣна съ доставкой въ Петербургъ 7 руб., съ пересылкою во все города 8 руб., на полгода 5 руб.

Отдѣльные номера газеты продаются въ конторѣ по 15 к.; съ пересылкою и у комиссионеровъ по 20 к.

Письма и посылки адресуются: въ редакцію «Иллюстрированной Газеты» В. Р. Зотоу, Литейная, № 38-й.

СОДЕРЖАНІЕ: Любца, жена Милова. — Внутреннее обозрѣніе. — Буковина. — Податки. — Въ Гамбургѣ. — Ущербъ св. Анны. — Переломъ. — Ариена. — Дарьянъ и его теорія. — Китайская любовь. — Петербургскія письма. — Корреспонденція «Иллюстрированной газеты», изъ Па-

ржа. — Перо съ чернилами. — Разныя новости. — Отвѣты редакціи. — Ребусъ № 1-й.

РИСУНКИ: Любца, жена Милова. — Черновцы въ

Буковинѣ. — Валахи и гудумы въ Буковинѣ. — Убожаше св. Анны. — Видюки. — Кама, обитая митраями. — Момонья. — Парусъ Дарьянъ. — Перо съ чернилами. — Кривизна.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Такъ какъ весь запасъ первыхъ номеровъ «Иллюстрированной Газеты» уже исощился, то подписка на полные издавія ея за нынѣшній годъ прекращается и принимается только полугодичная съ 1-го июля, 26-го №. Цѣна съ пересылкою ятъ рублей сер.

Любца, жена Милова.

Въ исторіи Сербіи женщины играли всегда не маловажную роль и принимали дѣтельное участіе въ событіяхъ своего времени. Стоитъ вспомнить, какую роль играла несчастная Анна Константиновичъ въ жизни Михаила Обреновича, котораго она фрепсала защищать противъ рабобиниковъ, зафрпсала вѣрствовашившихъ даже трупъ убитаго имъ князя и несподвижнохъ умертвить ногами и револьверами безоружную женщину на трупѣ того, кто былъ дорогъ ея сердцу.

Огромное вліяніе имѣла и мать князя Михаила, жена отца его, Милова. Этотъ сынъ дофрпскаго вѣрствянина и вдовы брусничанахъ пастуха Обрена, многимъ обязанъ Любцѣ, на которой женился еще въ 1807 году. Въ 1813 г., послѣ бѣгства Георгія Чернаго, работавшаго турками, Милова была признана Курляндшаново сербскимъ княземъ и въ 1816 г. стужилъ сдѣлать это званіе наследственнымъ въ своемъ семействѣ, о чьей особенно заботилась Любца, у которой были отъ Милова двѣ дочери, выдашия за богатыхъ сербскихъ землевладѣльцовъ и два сына — Милана, княжичивъ въ 1839 г. своего три мѣсяца и умершея въ ея рукахъ, и Михайлъ, погнбивъ недавно волею ногами Любцы двугубатого управленія Сербіи. Непреломливый характеръ Любцы много содѣйствовалъ паденію сербовъ въ Милану, дошедшей влади до отреченія въ 1739 г. и удаленія въ Вѣну, гдѣ у него лежало въ банкѣ 18 миллионъ франковъ. Известно, что избранный сыномъ въ князья въ 1858 г., онъ управляетъ Сербіею только два года и умеръ, оставя престолъ Михайлу. Любца умерла раньше мужа, въ 1843 году.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣло Павленкова. — Въ послѣднее время дѣло это, весьма важное по отношенію къ нашей печати, возбужло много толковъ въ обществѣ. «Санкт-петербургскій Вѣдомостямъ» напечатанъ вполнѣ замѣчательную рѣчь полковника. Мы приводимъ только ту часть «Судебнаго Вѣстника» общинствительную рѣчь прокурора судебнаго палаты и приговора съ «Издательскія» Писарева, послужившимъ Флоріанъ Павленкову, подвергнуть, но требованію с.-петербургскаго цензурнаго комитета, судебному прѣдсѣданію по поводу двухъ, помѣщенныхъ имъ въ своемъ изданіи, статей: 1) «Русскій Дон-Кихотъ» и 2) «Вѣдная русская мысль».

Не повторяя подробностей заключеннаго цензурнаго комитета, которое вложено въ обвинительномъ актѣ, мы считаемъ лишнѣ пугать, воверперныхъ, указать на главныя черты содержанія этихъ статей — черты, которыми определяется об-

щій ихъ характеръ, признанный со стороны цензурнаго комитета заслуживающимъ осужденія, и, восторжнѣ, изложить въ втораго соображенія относительно одного довода, который приводимъ быть подуманнымъ при предварительномъ слѣдствіи и который, безъ сомнѣнія, будетъ представляемъ имъ и дѣсь, на судѣ, въ свое оправданіе, а именно — того довода, что статьи Писарева «Русскій Дон-Кихотъ» и «Вѣдная русская мысль» какъ дозволеннаго предварительнаго цензуровъ, при печатаніи ихъ въ 1862 году въ журналѣ «Русское Слово», не могутъ уже быть прѣсѣдателями судебнымъ порядкомъ въ настоящее время.

Итакъ, сперва скажемъ объ общемъ характерѣ этихъ статей.

Статью «Русскій Дон-Кихотъ» составляетъ разсужденіе объ изданіяхъ въ Москвѣ, въ 1861 году, сочиненія Кирѣевскаго, разсужденія, имѣющаго дѣлаю — говоря словами автора статьи — «областить личность Кирѣевскаго, какъ любопытній психологическій фальш».

Казалось бы, что заключенна въ такіе предѣлы сочиненія Писарева о сочиненіяхъ Кирѣевскаго и не могла вѣшать въ себѣ ничего критическаго. Авторъ находитъ, что «Кирѣевскаго слѣдуетъ причислить — какъ онъ говоритъ — въ самыя мрачныя и вредныя обществяныя;» что «изъ его сочиненій можно выписать десятки такихъ страницъ, отъ которыхъ — вырвавшись словами — критика — что быль самаго неадекватнаго читателя»; что «Кирѣевскій былъ плохой мыслитель»; «болелъ мысли»; «хотѣлъ остановить разумъ на пути его развитія»; что «его умъ никогда не доходитъ до самоосвобоженія»; что «Кирѣевскій — «Русскій Дон-Кихотъ».

Какъ ни строгъ такой приговоръ критика надъ писателемъ, но за эту строгость онъ не можетъ отвѣтствовать предъ судомъ закона. И въ самомъ дѣлѣ, почему отказывать вѣрнѣе въ правѣ имѣть мнѣніе такое, а не иное мнѣніе о достоинствѣ того или другаго писателя? Почему же и г. Писареву не думать такъ о сочиненіяхъ покойнаго Кирѣевскаго? А если отъ имени тако, а не иначе думать о дѣятельности этого писателя, то почему же не выразить этихъ мнѣній въ печати? Въ этомъ правѣ ему невозможно отказать, точно также, какъ нельзя и отрывать права всякаго другаго критика про-

Любца, жена Милова.

воспринятого 1,001 ст. уст., оиѣ, на основаніи этой статьи закона, должны быть уничтожены, пала находить: 1) что статья «Русскій Дон-Кихотъ» составляетъ критическій обзоръ сочиненій И. В. Кирѣевскаго и разсужденій о личности этого писателя. Не согласнась съ воззрѣніями Кирѣевскаго и съ его направленьемъ, Писаревъ называетъ Кирѣевскаго «срамнымъ и вреднымъ обурлачкомъ», называетъ «донотонными» выработавшіяся съ дѣтства у Кирѣевскаго идеи, его направленіе «православно-славянскимъ», а убѣжденіе — «москвитинскимъ», которыя «раздѣлили съ нимъ всѣ старушки блядохменныя», которыя «блинъ толковали ему съ дѣтства маленькую, да вышнюю». Эти выраженія, изъясненія у Писарева чуждыми сочиненіямъ Кирѣевскаго, не составляютъ, по мнѣнію палаты, ничего противозаконнаго. Касаясь единственно Кирѣевскаго и его личнаго направленія, нельзя придавать выраженіямъ этимъ смысла болѣе обширнаго, чѣмъ придавалъ имъ самъ авторъ, и потому затронуть, а гнѣвъ менше оскорбитъ, чувство всякаго православно-вѣрующаго они не могутъ; наконецъ, и по формѣ своей эти выраженія не переходятъ границы благопристойности. Въ статьѣ «Бѣдная русская мысль Писарева», выразилъ

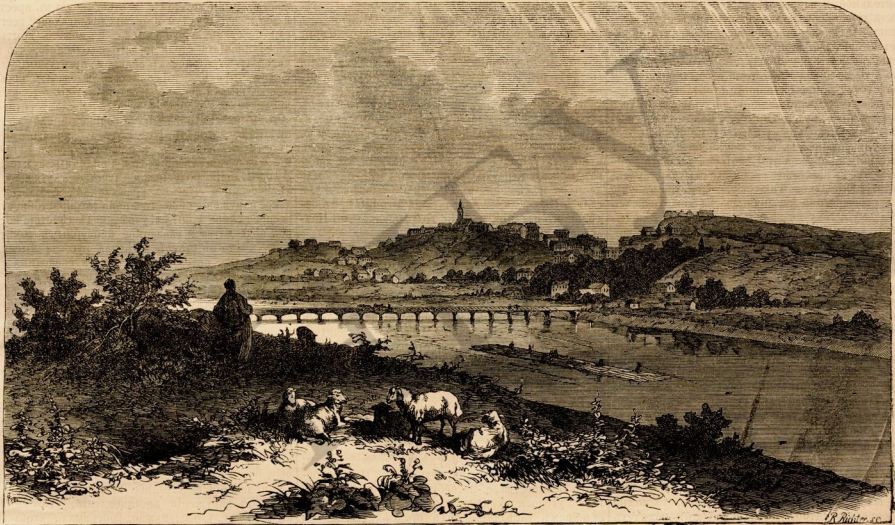
предпочтеніе писать, не заключая въ себя, ни по содержанию, ни по способу выраженія, ничего такого, что могло бы оскорбить чувство гражданина и быть признаваемо неблагопристойнымъ. Вообще, при чтеніи этихъ статей Писарева, составлявшихъ не что иное, какъ коротенькія журнальныя статьи, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ журналиста, что онѣ лишены всякаго серьезнаго значенія и несутъ въ нихъ какого либо преступнаго умысла не слѣдуетъ. Что касается, наконецъ, обвиненія въ оправданіи Писаревымъ въ послѣдней изъ разсматриваемыхъ статей его теоріи свободныхъ отношеній духъ позовъ, то объ этомъ предметѣ сказано имъ на страницѣ 32-й сколько угодно и сколько словъ, въ которыхъ онъ самъ отчасти опровергаетъ основательность этой, какъ онъ называетъ, безуморинишо гуманной философіи. Вслѣдствіе всего изложеннаго, судебная палата приходитъ къ заключенію: 1) что въ статьяхъ Писарева «Русскій Дон-Кихотъ» и «Бѣдная русская мысль», нѣтъ ничего противозаконнаго и, какъ по содержанию своему, такъ и по способу изложенія, онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго благопристойности и воспринятаго 1,001 ст. улож. Этотъ выводъ палаты подтверждается и тѣмъ: а)

скимъ цензурнымъ комитетомъ на напечатаніи Павленковымъ книгу, 2-я часть сочиненій Д. И. Писарева, съяты.

Буковина.

Въ статистическомъ отдѣленіи австрійскаго министерства составлена карта, на которой изображены всѣ отдѣльныя племена и языки, какими горятъ въ Австріи. Эта пестрота, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ, представляетъ много замѣчательнаго. Босезцы, близъ Катаръ, морлаки, маленкая область готтерровъ въ Крайш, венды въ Каринтія, итальяскій Тироль, предмѣры вѣжата Тироля, въ Вестрніи пуганы, въ Богеміи эггерадны, въ Моравіи ганнаки, въ Галиціи волохи, составляютъ отдѣльныя племена, мало вѣдывающія.

Область романскихъ волоховъ составляетъ Буковина. Это наименѣе вѣдывная и, однако, замѣчательная провинція Австріи. Она приобрѣтена ею въ 1775 году добровольно уступкою ее съ стороны Порты, чтобъ не отдать этой области Россіи. Съ тѣхъ поръ эта сѣверная часть древняго Молдавскаго королевства, отдѣлѣсь отъ польскихъ и

Черновицы въ Буковинѣ.

взглядъ на значеніе личной воли правителей и политическихъ дѣателей въ историческомъ развитіи народовъ, находить, между прочимъ, что дѣятельность Петра Великаго не была вовсе такъ плодотворна исторически послѣдствіямъ, какъ это кажется его восторженнымъ поклонникамъ и ослепленнымъ врагамъ, что она представляла собою только остроумнаго затѣя Пера Алексѣевича и что слѣбъ «Шалавтовому удалось убить молодого Петра», то «жизнь народа вовсе не измѣнилась бы въ своихъ отравленіяхъ». Это послѣднее выраженіе, употребленное Писаревымъ въ подкрѣпленіе мнѣнія своего, какъ о дѣятельности Петра I-го и о вліяніи его на историческое развитіе Россіи, такъ и въ вліяніе вообще единичныхъ политическихъ дѣателей, не заключаетъ ничего воспринятаго закономъ. Дѣлать же изъ этого выводъ, что Писаревъ старается этимъ умалить гнусность политическаго преступленія Шалавтова, палата не считаетъ себя вправе, потому что выводъ таковой не оправдывается общимъ смысломъ статьи Писарева, въ которой оиѣ о дѣяствіи Шалавтова вовсе и не разсуждаетъ. Эта статья, имѣющая предметомъ разсужденія о дѣятельдѣ, имена которыхъ принадлежатъ исторіи и о дѣятельности коихъ не пос-

то 1,001 ст. улож. изд. 1866 г. существовала и въ уложеніи 1857 г. ст. 1,356, что при существованіи этой статьи закона, сочиненія, явно неблагопріятныя, не могли бы быть допущены къ распространенію въ публикѣ, между тѣмъ, объ означенныхъ статьяхъ Писарева были произнесены въ началѣ 1862 г. цензуръ, напечатаны въ журналѣ «Русское Слово» и находятся донынѣ въ распоряженіи публики, и б) что хотя въ томъ же 1862 г. и было прекращено на иѣоторое время изданіе журнала «Русское Слово», но изъ произведеннаго по настоящему дѣлу предартельнаго сдѣвія не видно, чтобъ основаніемъ къ такой мѣрѣ послужили именно означенныя двѣ статьи Писарева; 2) что при вѣдываніи Павленковымъ 2-й части сочиненій Писарева не было нарушено правило, предсуморинишо 1,001 ст. улож. Посему и принимая во вниманіе, что высочайшее повелѣніе о прекращеніи вовсе изданія журнала «Русское Слово», состоявшее въ 1866 г., не относится къ статьямъ, напечатаннымъ въ этомъ журналѣ еще въ 1862 г., судебная палата *опредѣляетъ*: отставному поручику Флорентію Федорову Павленкову, 28 лѣтъ, на основаніи 1 п. 771 ст. уст. уг. суд., признать оправданнымъ, а арестъ, наложенный с. «петербур-

симгорскихъ областей, ведезь отдѣльную жизнь, хотя и обращена въ орутъ Галиціи. Это отдѣльное положеіе Буковины, происхожденіе ея, языкъ и религія, требовали большихъ измѣненій въ управленіи ея. Главныи городъ Буковины, Черновіцъ, образованъ болѣе или менѣе, въ иѣменній городъ. Эта очень красивая мѣстность лежитъ на высотѣ надъ Прутомъ. Городъ подымался очень медленно при австрійскомъ владычествѣ, но со времени окончанія лебгерско-черновинской дороги приобрѣлъ большое развитіе, и въ короткое время сдѣлался богатѣйшимъ и населеннѣйшимъ городомъ Галиціи. Железная дорога въ Олесь возникъ еще болѣе городъ и сдѣлаетъ его однимъ изъ главнѣйшихъ городовъ Австріи.

Черновіцъ служитъ болѣе пунктомъ, близнѣею Россіи и Австріи, также между Дунаемъ и княжествами и сѣверною Германіею; съ окончаніемъ желѣзной дороги, съ товарищ сѣверной Германіи пойдетъ черезъ Черновіцъ къ Черному-мюрю. Еще въ прошломъ году плоды и съевъ въ огромномъ количествѣ перевозились изъ Бессарабіи и Молдавіи къ сѣверу.

Исторія этого города опровергаетъ мысль, что смѣшанное народонаселеніе не можетъ сдѣлать

мъ благосостоянію страны. При молдавскомъ правительствѣ это была большая незначительная деревня, въ которой главнымъ лицомъ былъ испанскій, въ которой едва была известна вмѣстѣ съ главнымъ городомъ Буковины — Сучавою. Теперь Сучава привлекаетъ только любителей древностей, тогда какъ Черновицъ сдѣлался сбирнымъ мѣстомъ разныхъ національностей и пріобрѣлъ значіе надъ всею страной.

Молдаване и валлахи, прежде жители этой страны, занимаютъ въ Черновицѣ не видное мѣсто; ихъ вытѣснилъ ильменій элементъ, а теперь съ ними соперничаетъ польскій. Вмѣстѣ съ ними живутъ русскіи, венгры, евреи, армяне, ливане, гугулы, русскіе и французскіе. Третья часть всего народонаселенія Буковины состоитъ изъ валлахъ, которыхъ мѣтій и довольно звучный языкъ происходитъ отъ латинскаго. Они переселились во времена Драгома, основателя молдавскаго государства, въ XIV вѣкѣ въ Буковину и въ

бы. Армяне принадлежатъ отчасти къ латинско-армянскому племени, часть къ несторянцамъ и ерванкянамъ. Вообще въ страна очень плодородна и омывается рѣками Дибстрою, Прутюмъ и Серетюмъ, и покрыта бугвыми лѣсами, отъ которыхъ и получила названіе Буковины.

ПОЛИТИКА.

Славянскіе земли. — Во время посѣщенія Праги австрійскимъ императоромъ распространились слухи, будто Францъ-Иосифъ выражалъ въ весьма рѣзкихъ словахъ нѣкоторымъ лицамъ чешскаго дворянства свое полное неудовольствіе чешскою оппозиціею противъ нынѣшняго министерства и противъ образованной въ прошломъ декабрь новой австрійской конституціи. Императоръ выразилъ также государственному проктору въ Прагѣ свое неудовольствіе, что чешская публицистика такъ упорно держится своей оппозиціи, что этого нельзя

тѣмъ медицинскаго факультета, желавшихъ побороться о равноправности обѣихъ народностей въ ихъ факультетѣ. 14-го іюня — предложено прокуроромъ, чтобъ редакторъ «Politik» присужденъ былъ къ тюремному заключенію на 10 мѣсяцевъ и къ штрафу въ 300 гульденовъ, равно какъ и метранпахъ той же газеты — на 10 мѣсяцевъ въ тюрьму. Намѣстничество запретило митингъ на горѣ Хлумѣ. Редакторъ газеты «Narodni Listy» приглашенъ къ суду за четыре преступленія. 15-го іюня — министръ Истерра запретилъ митингъ на Хлумѣ. Редакторъ газеты «Politik» присужденъ на семь мѣсяцевъ въ тюрьму и къ штрафу 250 гульденовъ. Метранпахъ также приговоренъ на 4-хъ мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. «Narodni Pokrok» конфискованъ. 16-го іюня — митингъ на Потенштайнѣ запрещенъ. 17-го іюня — редакторъ газеты «Hlas» отданъ подъ судъ за нарушение общественаго спокойствія. Редакторъ газеты «Pravda» приглашенъ къ суду за сдѣлан-

Валлахи и гугулы въ Буковинѣ.

горныя области Молдавіи, Польша, Венгрія и Турція, а потомъ Россія, оспоривали между собою право преобладанія надъ этою страной и большая часть ея отошла въ Австрію, чтобъ спасти отъ фанариотовъ. Но въ народѣ осталось еще много слѣдовъ восточнаго владычества. Простой народъ, сильный и красивый, напоминаетъ, по одеждѣ и речамъ, восточнаго руса; рубашка съ широкими рукавами, широкій поясъ, узкіе панталоны, островерхіе башмаки въ видѣ полусапгандій, волосы на лбу почти обриты, а сзади длиннее — словомъ, все, какъ у турецкихъ босняковъ. Женская одежда также имѣетъ много восточнаго, и нѣкоторые голыя представляютъ древнюю античную красоту. Въ дѣтство и фантастическомъ народѣ развѣтствленіе гугулы; на немъ широча шлана съ надлинными перьями. Гугуль — русскій и живетъ въ Карпатскихъ горахъ. То же можно сказать и о ливанцахъ, или филиновцахъ, составляющихъ отдѣльную секту, освоенную отъ военной служ-

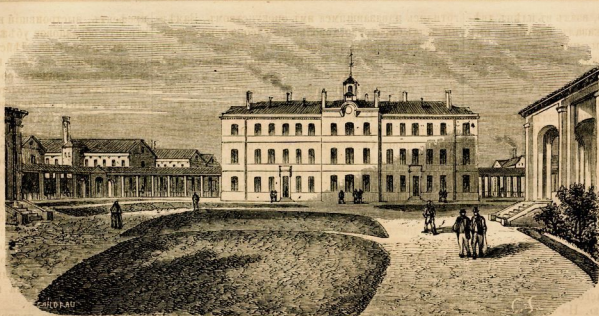
больше терять, почему и рекомендовалъ чиновникъ камъ суду по дѣламъ печати употребить самую строгія мѣры противъ чешскихъ оппозицтовъ. Чиновники исполнили это повелѣніе не даже, какъ чрезъ 20 дней. Въ какое положеніе пришла чешская печать. 9-го іюня — митингъ студентовъ на Соборскомъ островѣ, имѣвшій цѣлю сообщеніе: какимъ путемъ пражскому университету осуществить надѣль полную равноправность, запретить полицію. 10-го іюня — распушенъ полицію митингъ на горѣ Бездѣвъ. 11-го іюня — газетѣ «Nardoni Listy» объявлены два новихъ процесса. 12-го іюня — газета «Narodni Pokrok» конфискована полиціей. Того же дня запрещенъ митингъ на горѣ Валачск. 13-го іюня — газетѣ «Narodni Pokrok», «Narodni Listy», «Svoboda» и «Hlas» конфискованы. Редакторъ газеты «Pocel z Prahy» присужденъ на десять мѣсяцевъ въ тюрьму и къ штрафу въ 800 гульденовъ. Того же дня запрещено полицію собраніе студен-

на ихъ преступленія. 19-го іюня — редакторъ газеты «Pocel z Prahy» отданъ подъ судъ. Редакторъ газеты «Viduvy» присужденъ на 3 мѣсяца въ тюрьму и къ штрафу 60 гульденовъ. 20-го іюня — приказано провозистъ сдѣлать о руководителяхъ митинга на горѣ Ражинъ и прогуканъ на горѣ «Висока». 21 іюня — студентамъ университета и полиційскаго института запрещено участвовать въ пражскихъ Яна Гуса. 22-го іюня — запрещается митингъ чешскою омадлин на Валачевѣ. Обществу запрещается предпринимать прогулки безъ дозволенія полиціи. Оружійю начальникъ въ Краковѣ дворѣ и въ Горжичахъ запрещаетъ прогулку на горѣ Зинчичъ. Чешскіе волонеры отправлены въ Костине (Константинъ). Полиція розмѣшиваетъ редактора «Politik» и редактора «Svobodu», чтобъ ихъ арестовать. 23-го іюня — полиція нашла редактора Барака и заключила его въ тюрьму на 10 мѣсяцевъ. Полиція запретила пражскію Гуса на Раушѣ. Митингъ на горѣ

Въ убъищѣ св. Анны есть концертная зала, гдѣ собираются тихіе болыпе и занимаются музыкою, которая производится на вицѣ сильное дѣйствио. Одна молодая дѣвушка помѣшалась на томъ, что въ ней сидятъ демоны и выдѣлала, слушая игру на органѣ. Однако, музыка не спасла Дюшети, который умеръ въ больницѣ Эскроля въ Иери. Вообще преувеличиваютъ вліяніе музыки на сумасшедшихъ. Она вычищаетъ омычъ рѣдно и въ. Ислѣдственныхъ случаяхъ, но довольно и того, что облегчаетъ положеніе несчастныхъ и запираетъ ихъ.

Леченіе сумасшествія различно, смотря по физическому и моральному расстройству. Даютъ какъ можно меньше лекарствъ, потому что наши это совершенно бесполезны въ болѣзняхъ душевныхъ. Надо употребить скорѣе моральныя средства. Наблюдая дѣла, типична, аутричная жизнь дѣйствуютъ на многихъ душе больныхъ. Даже видъ другихъ больныхъ полезенъ для нисходоридковъ и меланхоликовъ. Имъ дѣлается стыдно, что они попали въ это заведеніе, они начинаютъ допрашивать себя, зачѣмъ они здѣсь, покрываютъ свои мечты и химеры, и врачъ, подстергая это пробужденіе, помогаетъ болному опоминаться и способствуетъ всми силами возвращенію разсуда. Чаше, однако, за пробужденія сознанія слѣдуетъ совершенный упадокъ умственныхъ способностей и болыю только омыетъ надъ всѣми совѣтами и считаетъ врачей и смотрителей своими врагами или сумасшедшими, тогда какъ себя называетъ благоумными.

Когда раздраженіе болныхъ доходитъ до иступленія, тутъ уже нѣчего разговаривать, а надоно дѣйствовать. Гидротерапія приноситъ болшую пользу въ этихъ случаяхъ. Ванны и души всегда употреблялись при леченіи безумія. Припадкѣ бшенства прекращаются въ теплой ваннѣ, надъ холодными дунами, направленными на голову. Души считаются нѣчтолю поособѣнъ, но и напашамъ. Было время, когда съ помѣшанными обращались варварски, хуже чѣмъ съ преступниками. Теперь это совсемъ переишло и общество беретъ только предосторожності, чтобы не пострадалъ отъ безумцевъ. Теперь не накалываютъ сумасшедшихъ, потому что они не могутъ быть ни въ чѣмъ виноваты, не имѣя сознанія. Ни одинъ врачъ не прикажетъ повѣстивъ болного подъ души, если не увѣренъ, что это принесетъ

Убъище св. Анны.

ему какую нибудь пользу. Старается побѣдить болѣзнь, а не болного. Когда въ заведеніи случится драма, что бываетъ нѣрдо, смотрители и врачъ только защищаются и никогда не принимаютъ наступательнаго движенія.

Всѣ болные ужасно боятся души и одно это слово успокоиваетъ ихъ. Есть лже и раздражительные помѣшанные, которые задраютъ другижъ и лезутъ драться. Стоить только имъ пригрозить душою и они дѣлаются смиренны.

Въ убъищѣ св. Анны есть превосходно устроенныя залы для гидротерапіи. Тамъ есть простыя ванны паровыя, души, дожди. Въ ваннахъ устроены ошейники, сдерживающіе головы болныхъ, потому что нѣкоторые прачутъ голову отъ дунъ и тонуть въ ваннахъ. Смирные болные берутъ обыкновенныя ванны. Присмотрѣть во все время самъ влнзательный.

Тѣмъ сумасшедшихъ очень разнообразны, однако, не надоно думать, что съ нераво взгляда можно отгадать что человекъ лишился разсуда. Самый оштыиъ врачъ едва можетъ узнать по одной физиономіи о разстройствѣ умственныхъ способностей. Часто болной приводитъ въ отчаяніе врача, упрямо скрытая отъ него свое положеніе и отказываясь отвѣчать. Вообще всѣ болные недоверчивы и молчаливы и надоно нѣко терпѣнія и ловкости, чтобы заставить ихъ высказаться.

НЕКРОЛОГЪ.

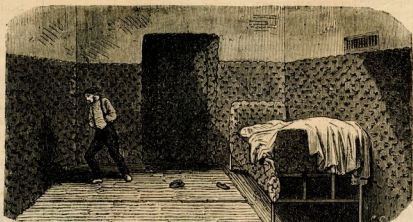
† Загравещское вѣстие о смерти Дмитрія Ивановича Пасарева подтвердилось. «С.Петербургскія Вѣдомости» говорятъ: «Посланный докторами для выправленія своего здоровья, въ Дубельстѣ, онъ утонувъ тамъ. Пасаревъ родился въ 1849 году; у него явны еще мать и отецъ, который служатъ въ одной изъ внутреннихъ губерній мировымъ судьей. Образование свое Д. П. окончилъ въ петербургскомъ университетѣ, откуда вышелъ кандидатомъ. Первые литературные труды оны стали печатать еще студентомъ, помѣщая ихъ въ «Рассвѣтъ». Въсѣтъ за тѣмъ, онъ перевелъ Клопшода и вообще увлеклся мистической поэзіей, какъ бываетъ это нѣрдо съ натурами богато-образованными. Извѣстность Пасарева начинается съ 1860 года, когда онъ началъ па-

сать критическія статьи въ «Русскою Слово». Прими статьи его «Сходности МДВѣка» и въ особенности разъ воспоминаиый подъ заглавіемъ: «Наша университетскія науки». Обращая на себѣ общее вниманіе по бистепецу, увлекательному изложению. Благодаря сотрудничеству Пасарева, въ «Русско Слово», до того времени сляно колебавшееся, пріобрѣло значительный успѣхъ, и статьи Пасарева — огромную массу читателей. Здѣсь и мѣсто, въ виду свѣжей юности, входить въ критическій обзоръ его деятельности, которая не обходится безъ увещаній, и опредѣляетъ значеніе ея въ исторіи русской журналистики. Но эту деятельность, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать замѣчательной уже по одному тому, что Пасаревъ, да чѣмъ былъ брава, всегда вносилъ свое собственное, оригинальное, прокладывая новый путь въ нашей критикѣ. Полному развитію таланта его помѣшалъ слишкомъ рано начинавшаяся журналинская деятельность, со всеми ея неудобствами, то-есть съ необходимостью писать статьи скоро и писать много, чтобы зарабатывать насупный хлѣбъ, и неблагоприятныя внѣшнія обстоятельства. Въ 1862 году онъ былъ арестованъ по обвиненію въ политической агитаціи, потому гдѣ онъ спелся, по приговору уголовного департамента селся, заключенный въ крѣпость на два года и четыре мѣсяца, откуда освобожденъ ранѣе срока; вслѣдствіе амнистіи, послѣдовавшей по случаю бракосочетанія Настасіи Пасареваича. Въ послѣднее время оны работалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», не подписывая статей своихъ. Мы представляемъ его портретъ и оцѣнку его произведеній.

† Въ Москвѣ, на 52 году, старшій учитель 1-й московской гимназіи, Ілювъ Васильевичъ Смирновъ. покойный былъ сынъ двякова Владимирской губерніи и уѣздъ села Ивановъ Носицкаго, и кончилъ курсъ въ вѣдическомъ институтѣ. Слѣжившись ученикомъ, онъ возмощъ на право исполнять должность своего чество и неудачно, а дѣйствительно, во все продолженіе 28-нлѣтней службы былъ ошныиъ изъ примѣрныхъ учениковъ своей обязанности: никогда ни одного класса не пропускалъ и ни одной минуты не опоздалъ на свои должности; не былъ ни разу въ отпуску, ни въ отлучкѣ, ни по какимъ своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, хотя бы и самымъ необходимымъ; всѣ свои нужды приносилъ въ жертву своей обязанности, которую считалъ для себя священною. Кроивъ классныхъ занятій, онъ трудился надъ составленіемъ многихъ полезныхъ учебниковъ и вальдъ башни Федра со словаремъ и объясненіемъ, также Саломіи, руководство въ переводахъ съ русскаго на латинскій, особая примѣчанія на Саломіи и латинскую грамматику — пространно и кратко отдѣльно, которую прннаты во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; сморхъ того, осталса еще недолговѣный трудъ его, изданіе Ондія съ подробными примѣчаніями, завершенный имъ для окончанія учителя рязанской гимназіи В. П. Павлову.

Идѣотка.

Келья, обитая матрацами.

Монюмъиъ.

АДРИЕНА.

(ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ДВѢХЪ ЧАСТЯХЪ).

III.

Петербургъ, 20-го апреля 186...

Ты спрашиваешь меня, милая Анна, о подробностяхъ моей новой жизни. Хотите знать, кого я вижу, что дѣлаю, какою роль играю между артистами? Начнемъ съ послѣдняго. По случаю весны и долгого отсутствія Зины, къ ней мало ѣздятъ, и она мало выжываетъ. Чаще всѣхъ бываетъ ея тѣтя, рафиня Боръичъ, женщина, которая еще кажется молодою, несмотря на то, что у ней слышны волосы и дѣв дочери невѣсты. Зина рекомендовала мнѣ своимъ роднымъ, какъ подруку дѣтства, помята мои таланты, и знатная барыня обласкала меня и словами, и делом оригинальною красота моя послужила мнѣ благодѣтельной карьерѣ. Сильнѣйшия разговорилъ мнѣ прелесть коммюментовъ, уреры дали нѣсколько софитовъ о туалетѣ, словъ, какъ я ни цекотлива, но не замѣтила и гнѣя преоборенія въ компаньонки, потому что я, компаньонка Зины и больше ничего. Чтобы не быть совершенно бесполезною, я предложила Зинѣ начать учить музыкѣ старшую ее дочь Полю, потому что англичанка плохая музыкантша, и дѣвочка привилась съ заурядомъ тропи, привилась ко мнѣ, в отдала отъ меня, втропиво, потому что англичанка слишкомъ толстая и перемона съ ними, тогда какъ я не могу быть хладопрогна въ хорошенекимъ, ласкониъ дѣтлмъ; играю съ ними, свѣсь, танцуу и цалуу грѣшо, всектора на то, что они княжны. Зина даже замѣтила мнѣ, что Поля и Маруся любятъ меня больше, чѣмъ се, но что она не ревнуетъ, итъ во мнѣ. Англичанка, миссъ Смитъовъ, обходится со мною неперечно и почтительно и никогда не вступаетъ въ разговоры. Она воспитана превосходно и воспитала дочерей графини, которая передала ее племянницѣ. Она должна быть очень не молода, но въ бѣзвѣрхихъ ее волосахъ нѣтъ ни одной сѣдинки, морщинки незамѣтна на свѣжести лицъ и она держится прямо, какъ солдатъ, въ то станутомъ корсетѣ. По ее (бесстрастному неподвижному лицу и хладонимъ голубымъ глазамъ, можно подумать, что это автоматъ, а не женщина. Никогда она не сердится, не горчится, не свѣется, но заботится о дѣтяхъ, мнѣ вѣчная мать, переноситъ съ шельскими терпѣньемъ все капризы, и не думая, что она знаетъ у Зины только два большаго ласованья. Я узнала, что одинъ богатъ предлагалъ ей вдвое больше, чтобы она владѣлась сдѣлать изъ его дочери свѣтскую, воспитанную барышню, но миссъ Смитъ

сонъ отвѣчала холодно, что останется у княгини, потому та не скажетъ ей, что она больше не нужна.

Стало быть, и въ этомъ автоматѣ есть чувства, хотя ихъ трудно замѣтить. Что касается Зины, она не знаетъ, что придумать, чтобы только доставить мнѣ удовольствие. Чтобы я была свободнѣе, мнѣ отведена въ огромномъ домѣ цѣлая квартира въ три комнаты, съ кухней, съ туалетомъ для нашей старой Маруси, потому что Зина хочетъ непреклонно, чтобы тѣтя, вернувшись, жила съ нею, для чего вся наша мебель перевезена ко мнѣ и расположена, какъ было у насъ в старой квартирѣ; только моя комната, сообщавшаяся коридоромъ съ парадными комнатами Зины, мѣблирована заново и въ ней почти каждый день являются новые бездѣлки, новыя упрямствія. Я пробовала уговаривать Зину, чтобы она не баловала меня, какъ ребенка, но она заставляла меня замолчать подальше, прибавляя:

— Я теперь только испытываю, какое счастье имѣть сестру; не мнѣй жемнѣ наслаждаться имъ. Нечего и говорить, что у меня превосходный Фрауенкиль флигель, на которомъ я учу мою хорошенекую рыжешую Полю, но если урокъ продолжится на четверть часа, миссъ Смитсонъ является, какъ привидѣние, у дверей коридора и напоминаятъ

княжнѣ, что пора гулять, кушать или брать урокъ чистосансая. Сначала дѣвочка капризничала и упрямилась, но я уговорила ее слушаться тотчасъ англичанку, которая, однако, не выказала мнѣ никакой благодарности и холодно увидела печальную Полю. Другой флигель стоитъ въ большой залѣ, въ гостиной plainly и всѣ эти инструменты въ моемъ распоряженіи, потому что Зина не подумала къ нимъ, англичанка не интересуется совсѣмъ, а окупаетъ дѣтей, которые любятъ музыку, указавъ изъ Петербурга еще до моей встрѣчи съ Зиною и не возвращалась. О немъ часто вспоминали въ домѣ. Дѣти болтали, что когда крестини прѣбѣдутъ, они будутъ больше гулять, Зина говорила, что еслибъ не я, ей было бы скучно безъ кузена Поля, даже англичанка усмирала именемъ барона расшумѣвшихся дѣтей и прислуга толкала въ сторону о скоромъ съ прѣбѣдѣ. Я воображала его похвалить, серживаясь мужиковъ, въ вагонѣ чинѣ и не добровольствования узнать его; Зина ничего не говорила о немъ, кромѣ того, что она ему многимъ обязана и я скоро забыла о немъ, въ новой моей жизни. Тѣтя писала мнѣ изъ Рязани, что не можетъ скоро кончить дѣла по имѣнью, потому что съобщается за него очень мало и надобно выждать нѣсколько. Нечего и говорить, что она радуется дружбѣ Зины ко мнѣ и даже надѣется, что я въ высшемъ кругу найду себѣ партію, потому что тамъ умѣютъ цѣнить красоту. Я, разумеется, не спорю съ тѣею, съ метастасъ, но мое замужество еще невозможно здѣсь. Графъ Боричъ сказалъ мнѣ однажды, въ минуту откровенности:

— Вы удивительно хороши М-ше Адриена (меня опять всѣ называютъ по-институтски, потому что Зина рекомендовала мнѣ миссъ Адриено). Еслибъ вы пошла на сцену, то черезъ годъ наша была бы огромное состояние и наши бы музыка богатаго и знатнаго. Видѣ женатка ее наши князья и графы на цыганкахъ и балетныхъ танцовщицахъ. Но въ обществѣ, какъ ни хороша бѣдная дѣвушка, никто не подумаетъ предложить ей руку, а предлагать только сердце и состояние. У насъ болѣе брака больше, чѣмъ въ среднемъ кругу, потому что наши требованія громады, и мы скорѣе разорвемся на камешку или на актрису, даже женимся на цыганкѣ, но не на бѣдной благородной дѣвушкѣ, безъ связей, безъ имени. Но если вы хотите насладиться жизнью, М-ше Адриена, вамъ стоить сказать одно слово — и вы будете играть важную роль въ нашемъ полусвѣтѣ, у васъхъ потъ будетъ вся наша молодость и старина, вы затмѣите всѣхъ иностранннхъ и доморощеннхъ знаменитостей, вамъ будутъ завидовать аристократы. Не то, наша молодость пролетѣтъ даромъ,

Чарльзъ Дарвинъ.

КИТАЙСКАЯ ЛЮБОВЬ.

(СОВРЕМЕННЫЙ РАССКАЗ).

I.

По большой алее публичного сада в Мартори, город одной из маловѣстных подпрефектур Франши, двинулся фанар, который нес лакей; за лакеем, сиречь руки въ карманѣ шайто, шло богатый земледѣльщик этой вѣстности Пастуръ, покрывавшій спину и всаивавшій какой-то охотничий котенок. Его шло, освѣщенное фонаремъ, выражая хорошее расположение духа. Въ двадцати шагахъ позади его, куда не достигалъ свѣтъ фанара, шла жена Пастура, Анюсиада, и графъ Леонъ д'Эскеръ. Они возвращались съ прогулки. Было одиннадцать часовъ. Въ домѣхъ гасли огни, прохляе понадале въ рѣдкое. Какой-нибудь членъ клуба останавливал Пастура и говорилъ ему:

— Отчего ты идешь къ клубу? Ты бы выспался. Иришо покази бѣды тебѣ въ саду.

Пастуръ не отвѣчалъ ничему, пошелъ на жену и Леона и продолжалъ сидѣть. Иногда они, поспѣвая наизусть, пожимая плечами, какъ бы поднимаясь надъ отставшими. Однако, они не могли слышать что они говорили и даже не хотѣли слышать, потому что когда слова останавливались, чтобъ дождаться своего госножу, Пастуръ дѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ пошелъ дальше, а самъ возвращался.

— Пусть они переговариваются разъ навсегда. Это лучше.

И опять продолжалъ путь въ томъ же порядкѣ. Днесь былъ дождь; фанаръ освѣщалъ нѣсколько улицъ, деревья казались еще чернѣе и въ ихъ вѣтвяхъ блѣлъ свѣтъ соловей. Анюсиада отвѣчала графу:

— Я прошу у васъ только одного; неужели вы мнѣ откажете?

— Никогда я не соглашусь оставить васъ, потому что вы несчастны.

— Но ваше повортничество можетъ быть истолковано въ дурную сторону, кувенъ, вы должны отправиться путешествовать, какъ бы собирались.

— Теперь это невозможно. И для васъ не чудно и обязать задержать васъ. Столько дѣлъ мы были назначены другъ другу! Все говорили: донъ де-Витри будетъ женою Леона д'Эскеръ и я буду въ восторгѣ. Потомъ явился богатъ Пастуръ. Вашъ отецъ предпочелъ его и разорвалъ всѣ связи со мною. Вы не смѣли противиться, но въ день вашей свадьбы, покрывало невѣсты было сочлено словами. Вы не могли любить Пастура. Онъ боится, но у него дурны привычки, дурное воспитаніе. Онъ живетъ въ своемъ клубѣ, у него предостаточно знакомства. Вы почувствуете, какъ вы много перенесли оскорбленій, какъ не съ смѣло подѣлитесь горемъ и любовью пріятно, если близъ васъ будетъ другъ дѣтства, братъ, который повисаетъ, когда вы захотите. Я поселюсь въ моемъ маленькомъ замкѣ д'Эскеръ, займусь охотою, книгами и не буду приходить въ Мартори, нокуда я меня не позвезте. Кажется, такое поведение не можетъ испугать никого.

— Вѣсто отвѣта, молодая женщина спросила:

— Задамъ ли объявить моему мужу о нашемъ путешествіи?

— Я дѣйствительно хотѣла ѣхать, но осталась, потому что видѣла слезы на вашихъ глазахъ.

— И вы думаете, что мой мужъ будетъ доволенъ вашимъ пребываніемъ въ Эскерѣ? Онъ вѣдѣтъ дурацки и нѣсколько разъ убивалъ противниковъ, Леонъ, а въ насъ умоляю, убѣжайте.

— Леонъ хотѣлъ отвѣчать, но Пастуръ подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Извините меня, д'Эскеръ, если я побѣду домогъ; я боюсь заступу у каждаго дерева. Вы не говоритесь, являе къ вамъ, да поддержитъ Анюсиаду, потому что она смѣлая.

И онъ исчезъ за угломъ улицы.

— Что это значатъ? спросила молодая женщина съ безпокойствомъ.

— Даже и западнѣ, а самое оскорбительное злодѣіе.

— У васъ спонъ рукой. — Ваше присутствие въ Эскерѣ не обличит моего участіа, напротивъ, я буду тогда страдать и за васъ. И то мой домъ сдѣлался для меня ненавистнымъ. Выбавьте дни, когда я готова забутую несвѣстна...

— Укажите, если вы не хотите моего несвѣстна.

— Леонъ любилъ молодую женщину, но уваженіе къ ней было такъ же сильно, какъ любовь, потому что она была всегда бодра и скромна. Онъ не смѣлъ огорчать ее противорѣчіемъ и проговорилъ:

— Я идъ завтра.

— Я не требую, чтобъ вы уѣхали завтра... Куда вы отправитесь?

— Какъ можно далеко.

Анюсиада чувствовала, что разговоръ продолжитъ нельзя, что Леонъ не можетъ говорить ни о чемъ, горю своей любви, а этого-то она и боялась. Они дошли молча до дома Пастура и остановились передъ дверью.

— Леонъ, сказала она быстро: — прощайте и возвращайтесь только, когда вы обоимъ придѣдемъ.

— Я дѣлаю вамъ знакъ, что она не дала ему проговоритъ слова и продолжала:

— Приходите утромъ завтракать.

— Прду, отвѣчалъ онъ и исчезъ въ темнотѣ, доволный тѣмъ, что на другой день увидитъ ее.

Анюсиада прошла къ себѣ въ комнату и увидѣла, что ее горничная Бастьена не ждала ее. Иришо она была, подула молодая женщина; она часто जाती на головную бѣду.

Въ домъ было все тихо и скучно, хотя она была разсѣянна; въ дѣйствіи стояли нѣтъ и не стояли въ провѣтриваніи; жиднѣ забѣлала какой-то холодъ, монотонность душна. Есвѣтъ въ домъ былъ дѣтъ или любовь, онъ казался бы живѣе, но теперь, это была холодная странн. Ступи исчезла, хозяйнѣ иришо успулъ... Появленіе Леона было неожиданнѣмъ и радостнѣмъ эвизидомъ въ жизни Анюсиады, но и съ нимъ надобно было проститься... Жизнь опять потечетъ монотонно. Отъ снукн учтъ каждое утро молодая женщина ходила въ собору, но эта церковь напоминала ей, что она въ ней вѣчно; а въ это сердце ее, Бинандъ она получила, а вѣтъ въ этомъ сердце, она не могла молчать теордно и отправляла къ магазинамъ, надѣясь найти что-нибудь новое, но въ Мартори рѣдко появлялись новости и, иришомъ, она знала, что нѣкоторыя вѣзъ молодыхъ приращій пользовались благословеніемъ Пастура и это радужало ее самодобно. Она приходила домой, ждала мужа завтракать, зная, что онъ не выдѣтъ изъ рестора. Хозяйствомъ она не занималась; кататься не любила, хотя у нее было много лошади, визиты не нравились, а сидѣла по чѣмъ-нибудь на балконѣ или въ большой залѣ, смотря вдаль. У нее было великолѣпное фортепьяно, но она не подходила къ нему, она не выразалась, хотя у нее было множество модныхъ платьевъ; она перестала даже читать романы, находя ихъ слишкомъ неестественными, въ сравненіи съ своею жизнью. Даже смотрѣть на улицу сдѣлалось ей невыносимъ, потому что по ней проходили тѣ же семья лина и надѣян до тошноты.

Передъ обѣдомъ она выходила въ небольшой садикъ, окруженный высокими стѣнами, чтобы не была ей недостатокъ солнца и воздуха. Никогда ей не приносили писемъ, журналы не могли ее занимать и они казались безпонычн и нестеримы.

Все горюдъ зналъ предосудительное поведение ее мужа, въ жалкію о бѣдной молодой женщинѣ, но никто не смѣлъ осуждать Пастура, потому что онъ былъ очень богатъ и могъ вѣзъмъ придворнѣся. Одно увѣщеніе оставалось Анюсиадѣ. Она жила мыслью и эта жизнь была смысломъ до деревни, до бусуари. Эта странная тихая, алчущая женщина мечтала о мнѣнии, о сандалѣхъ, о блаженствѣ незвѣстности. Эти мечты гнали ее, но развлекли.

Она была очень хороша собою. Еще дѣвочкою, она занимала первое мѣсто въ религіозномъ процесіонѣ. Однѣ знаменитыя живописцы съ вѣсной радостью ее красотою и изображали ее въ свой картинѣ. Когда она отъ стѣны приходила на станцію желѣзной дороги, путешественники смотрѣли на нее, какъ на чудо, забывъ звонокъ. Несмотря на это, Пастуръ былъ къ ней очень хладнокровенъ, а когда онъ говорилъ красотою жены, по самъ она будто болѣла, а онъ молко лубовно въ присутствіи этой скромной, невѣной женщины, потому что онъ нравилъ совершенно къ другому роду женщинъ и не могъ открытъ достигнеть жену.

Обо всемъ этому предсудила Анюсиада, войдя въ свою комнату. Воспоминаніе о Леонѣ бы самымъ свѣтлымъ въ ее жизни и она сама отходила отъ себя. Она хотѣла запереть свою дверь, взглянуть нечаяно вверхъ, увидѣла свѣтъ, предвѣшій подъ деревю чомуча горничной. Душа, что Бастьена болѣла или забыла загаситъ огонь, Анюсиада поднялась на лестницу и услышала голоса. Иришомъ, у горничной была нитрага съ зеленымъ и молодая женщина повернулась, чтобъ взглянуть къ себѣ, объявъ на другой день отослать молодому Бастьену, какъ вдругъ голосъ Пастура сказалъ очень громко:

— Эта провѣтнѣя прогулка взломала меня и я побѣждалъ къ себѣ, оставя жену слушать любовности ее двоюродного брата.

— Теперь нужно было торопиться, возвративъ горничная, зная... — Точно мы давно не видѣлись.

Анюсиада почувствовала отвращеніе и она удержала крикъ негодованія. Она, шатаясь, добралась до своей комнаты и, дрожа въ тѣломъ, опустила къ себѣ, объявъ на другой день отослать она могла переистичи. По закону, она была свободна, потому что мужъ, державшій любовницу у себя въ домѣ, не имѣетъ нравъ на жену, но всего болѣе унижало жену, что ее горничная Бастьена была дурна собою, босса и често болѣла. И такую тварь онъ предпочелъ ей! Рана была бы не такъ уаасна, еслибы оданлась Пастура былъ привлекательнѣе. И это предпочтеніе спору разнесется въ городъ, гдѣ все узнается. Надъ женою будутъ, по объявленію, смѣяться, что она не умѣла признавать къ себѣ, объявъ на другой день отослать, почему Пастуръ ее бросилъ. Ее гордость и скромность странно страдала, только серце оставалось спокойно, потому что она не любила мужа. Она хотѣла ссвалда, развода. Любовь Леона представлялась ей; она, не думая ни минуты, рѣшилась оставить этого дома, въ которомъ не могла дышать. Ей необходимо было чистый воздухъ, а жиднѣ и развѣять душили ее. Она еще не говорила, что ей необходимо любовь.

— Ты идѣла съ лестницъ, твердо ругая отворила дверь и она была въ улицѣ. На голову, онъ пробѣло дѣлывающа. Она не влада съ собою ничего, не знала етъ ли денги въ ее шортмю, только накупила шаль, посмотрѣла на расшатіе, вѣсивше на стѣнѣ, но и видѣ Спасителя, прощавшаго всѣхъ, не остановилъ ее. Кольбекъ могла бы остановити оскорбленную женщину, но въ этомъ домѣ не было колебани, а жена, приотворяя дверь какъ можно тише, пошла отвѣчать графу д'Эскеръ.

Тѣ дни могъ быть ночью! Разужаешься въ гостиномъ, гдѣ остановился по Анюсиады провинци. Умило его джери, потому что болѣсь оставались. Мини была пуста и темна, дѣлалось холодно и она шла не останавливаясь, радуясь, что она одна и что холодъ освѣжиль ее горячую голову. Какъ она ненавидѣла этотъ городъ Мартори, гдѣ она была такъ несчастна! Всѣ жители казались ей сообщниками мужа и она ненавидѣла всѣхъ. Какъ она ждала видѣть скорѣе единственнаго чловѣка, который любилъ ее искренно, который могъ отмстить за нее!

— Онъ останавливался записаннѣхъ, подняла голову и увидѣла фанаръ надъ нѣскою гостиномъ «Европа». Леонъ жидъ тутъ, она знала его она. Но вѣсь домъ спалъ. Сильнѣе былъ только стукъ косякъ въ конюшнѣ, да храпъ караульнаго. Женщина, бросивша домъ мужа, разорванна всѣ связи съ провинціемъ, не могла рѣшиться дотропиться до замка, потому что на другое утро вѣсь горюдъ зналъ бы, къ кому она приходила. Студъ и горе остановили ее руку. Она не хотѣла простить оскорбленію, но не хотѣла также обслѣплять свое имя. Въ ней былъ дѣтства былъ сильна болѣнь свѣтлѣннхъ персудотъ.

Она пошла на улицу, рѣшилась жидъ Леона на улицѣ. Истинновно она шла по дорогѣ, по которой часто ходила въ дѣтствѣ. Она воспынѣлась въ монастырѣ, и Леонъ часто напѣдалъ ее со своею матерью, которая иногда брала дѣвочку въ замокъ Эскеръ. Воспоминанія дѣтства пронесли въ ее головѣ. Она увидѣла желтый ворота монастыря, колодезь, въ которой прѣлжала тѣта, корину съ ламповникомъ.

— Она тутъ въ стѣнѣ! Прощай, не былъ монастырѣ! Леонъ стоялъ у желѣзныхъ воротъ, какъ будто ождалъ ее. Онъ тоже вспомнилъ прошденіе и бродилъ около монастыря, гдѣ въ монахини считали его жиднѣхомъ гувыни и предсказывали

Перо съ чернилами.

Часто уже дѣлали опыты составлять подобныя перья, снабженныя резервуаромъ чернилъ, но трудности наполненія ихъ была непреодолима. Теперь удалось устранить всѣ прежнея недостатки. Это перо состоитъ изъ двойного стволъ, который можетъ выдвигаться. Широкая часть его В снабжена въ концѣ коническою трубкою, которая, при наполненіи пера, опускается въ чернила, въ то время, какъ узкая часть А закрывается на концѣ D, въ которомъ вставлено каучуковое кольцо такъ плотно въ внутреннюю стѣнъ широкой части, что она дѣйствуетъ какъ сдѣланному образцу. Отъ этого чернила, въ которыя опущено перо, поднимаются отъ А къ С и наполняютъ перо. Стовъ чернилъ регулируется винтикомъ, который болѣе или менѣе отъгибаетъ Е отъ А. Запнть его, стовъ уже не пропускаетъ въ Е. Чѣмъ болѣе загнути въправо, тѣмъ дабѣе отъгибаетъ Е отъ А и тѣмъ сильнѣе чернила проходятъ изъ Е въ С острѣе пера. Этимъ регулируется легко притокъ чернилъ. Изобрѣилъ это перо Чарльсъ Омагъ, въ Небраскѣ.

— Ты знаешь русскую поговорку: «вправо моему не пренатстану?»
— Знаю и другою-съ: «нозидъ свиной за столъ, она и ноги за столъ».

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Смерть Лазаряка. — Жизнь знаменитой Маріи Коельды, дамы Гандиде, известна, потому что она сама описала ее съ мѣлкими подробностями; ее процессъ описалъ много пушки и тогда же пропала изъ свѣта, потому что журналы и общество были заняты друмиа. Вотъ какъ печально окончила эта героиня свое существованіе.

Въ селеніи Юсса, известномъ своими водями, стоятъ у дороги въ Тарасковѣ старая хижина, въ которой и теперь живетъ проводникъ Жерри, провозжающій путешественниковъ въ горы.

Въ этой хижинѣ, въ первомъ этажѣ, есть комната, окрасенная водою краскою. Въ ней узкая кровать, четыре стула и небольшой столъ, забранный чернилами. Въ этой комнатѣ жила и умерла Лазаряка.

Извѣстно, что когда ее вымусали изъ тюрьмы лечатъ и она пошла въ Юсса, ни одна дверь не открывалась передъ отвратительнымъ, ни кто не пустилъ ее въ домъ; жители Жерри сжалился надъ больною женщиною.

Она рассказываетъ, что однажды, въ бурную ночь, въ домъ поступало. Отворивъ дверь, она увидѣла жену въ черномъ, которая ушла на ступени крыльца и казалась мертвою. Позднѣе она стала челоуѣкъ съ балагана, тогда сказавшия проводнику, что эту барыню вынести не удастся, потому что она отравилась мука. Притомъ, чорная женщина заговорила. Животная сжалась въ себя, вѣсь ее къ себѣ и помѣстивъ въ бѣлой коматѣ. Тутъ она жила мѣсяца три и ее навѣщали только священникъ и старый военный, который все говорилъ, что она невѣжна, что ее вправно осудили.

Днемъ она кушала, потому что долго писала. Она не могла спать и какъ будто болѣла лечь на постель. Часто она ласкала маленькую дочку хилана, играла съ кукурыми волосами, шла ей плѣси, а потомъ плакала и смотрѣла на заходящее солнце.

Однажды она взяла дѣвочку въ себѣ на колѣни и дала ей колѣно, сказавъ:

— Марта, когда ты вырастешь, носи это колѣно и вспомяни обо мнѣ.

Жерри и теперь показываеъ это колѣно, прибавляя: — Моя Марта теперь замужемъ, только я не хотѣлъ дать ей колѣно чорной барыни, самъ не знаю почему.

Она умерла тогда въ бурю, ночью, и о ней плакала только жена Жерри. Лазаряка похоронена, на Орландскомъ кладбищѣ и могилу ее поминаютъ путешественники.

Страсти у негровъ. — Въ штатѣ Миссисипи произошло трагическое событіе, надѣвшае много шуму.

Въ Фелденгит-Гроссѣ жило лесоторговецъ и уважаемое семейство; въ немъ была молодая дѣвушка, красавица Дженъ, за которую ухаживала вся молодежь. Однажды она пошла навѣстить свою возурку, какъ вдругъ на нее бросился негръ, зажалъ ей ротъ, чтобы она не могла кричать и унесъ въ дѣскъ, гдѣ, похѣвъ насильемъ своею скотской страсти, привалялъ ее тогда къ дереву и приходилъ каждый день потѣшаться надъ своею жертвою. Это продолжалось недѣлю. Два охотника увидѣли нечаяно молодую дѣвушку и она рассказала имъ, что натерпѣла въ это время. Охотники, не отказавъ неспешно спрыгали вѣлки, дождались прихода фермазѣбры и, схвативъ его, спросили у Дженъ, какою казнь она называетъ злодѣю?

— Сдѣрете съ него живую кожу, отвѣчала оскорбленная дѣвушка.— Пусть онъ страдальце не меньше меня.

Охотники исполнили эту приговору и, вынувъ охотничью ножа, начала операцию съ ногъ. Злодѣй стремно кричалъ, стоналъ, ревалъ, страданія его были ужасны, потому что кожа нѣсколько выше колѣвъ, являя негра дѣлалась слабѣе, когда вытѣла дошла до груди и, наконецъ, зашлакъ. Страданія прекратились вѣсьтъ съ мизинью. Тогда охотники бросили его и отнесли дѣвушку, которая была безъ чувствъ, въ ее семейство. Она очутилась, но потеряла рассудокъ и въ самомъ привалѣ лишила себя жизни.

Въ Мериденѣ подробно не повѣствованіе разразило все населеніе противъ чернилъ. У богатого фабриканта въ Брандъ Миллзъ, Чарльза Дена, была молочная дочь Бетса, богатая невеста, превосходно образованная и отъедр горяща съ красотою. Никто не обратилъ вниманія, что около дома фабриканта часто бродитъ негръ, но имени Дана, жившій въ гранной хижинѣ у горы Брандъ, съ старою негритинкою — матерью.

Масъ Бетса пошла въ пансіонъ, гдѣ воспитывалась. На возвратномъ пути разразилась сильная буря; молодая дѣвушка не знала, куда ей спрятаться, какъ вдругъ лишила Дана и предохранивъ переждать грозу въ ее хижинѣ. Масъ Бетса вѣсело вѣтвила въ эту трубочку, какъ вдругъ негръ бросился на нее, какъ дикій звѣрь, и дѣвушка отъ ужаса лишилась чувствъ. Злодѣй обчелъся ее, взявъ пошлы на дорогу и бросилъ. Бетса начала приходить въ себя и стала звать на пошлы, но ей не побѣдила опять Дана и бѣсъ, чтобы она не рассказала, что случилось, вырвалъ ей языкъ щипцами.

Когда нашли дѣвушку, она была въ отвѣтчаномъ положеніи, однако, могла указать на злодѣя. Бросивъ въ хижину, но тамъ нашли только старуху, которая очень подробно рассказала, что сдѣлала ее съиль съ блудо красавицею, прибавя, что, вырвалъ ей языкъ, она вернулась въ хижину и, заживая окровавленное мясо, сѣла его.

Народъ чуть не разорвалъ старуху на части и съелъ. Дѣвъ показана къ дѣбуду, судъ надъ вѣсь былъ бы коротокъ. Особенно немилымъ были раздражены противъ злодѣя и предумышленнаго и страшное наказаніе. Врѣча не надѣются спасти несчастную Бетса и

сама она желаетъ умереть, чтобы избавиться отъ стыда и страданій. Нечего и говорить, что родители ее строятъ еще болѣе. Раболовѣды обчелся съ неграми безчеловѣчно и отъ этого негра сдѣлался завѣржи. Данъ исчезъ изъ страны и объ немъ нѣтъ вѣвкахъ слуховъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Въ Одессѣ, 1. О. К.—у. Это не стихи.
А. В. К.—у. Стихи слабы и невзрачны.
Въ Нижегородскѣ, Ар. Дв. О.—у. Такихъ несообразностей въ печати не появляется. Мы заплатили 90 коп. штрафу за то, что въ вѣши «Звѣзды» вложено было писмо.
На ст. Волокола, Ив. В.—П.—у. 10-й, 19-й и 20-й №№ посланы были въ отрывокъ.
Ив. ст. Петровскій, 1. П. К.—у. № 15-й послается вторично.

Въ болыае-копское волеет, правл. № 1-й и 3-й высланы вторично, хотя въ очень поздно замѣнили о несогласіи ихъ. Въ объясненіи о подписѣ имъ прося сообщать о несогласіи номеровъ, но крайней мѣрѣ, не поше мѣсла, а ны въ концѣ июня отшеи о №, вышедшемъ въ началѣ января.
Въ Пермскѣ, 1. К. К.—у. 20-й № выслается вторично.

РЕБУСЪ № 1-й.

